

Он смотрел на улицу, где люди разошлись, а чай в чашках давно остыл. От Царицы не осталось и следа. Судя по характеру Чун Ин, она наверняка первой вернулась во дворец.

Небо постепенно темнело, загорались огни ночного рынка. Тан Линъянь с удивлением обнаружил, что роль уличных фонарей здесь исполняют деревья Плода Прекрасного Лица. Зеленые листья этих деревьев излучали в ночной мгле мягкое фосфоресцирующее свечение, а на ветвях висели красные фонарики в форме плодов, ярко освещенные свечами изнутри. Он сорвал два листа и спрятал в рукав, намереваясь позже изучить их в спокойной обстановке.

Ночной рынок Юньчэна был невероятно оживленным, наполненным живой атмосферой человеческого быта. На углах улиц продавали всякую диковинную снедь, которую Тан Линъянь никогда прежде не видел; ароматы дразнили аппетит, заставляя немедленно всё попробовать. Забегаловки и чайные дома, пустовавшие днем, к этому часу наполнились шумом и гамом. Смех людей, пьющих ночное вино, гремел на всю округу — жизнь была ключом.

— Интересно, нашел ли господин Юань Юнь Цзи? Надеюсь, у них всё прошло гладко.

Юнь Цзи, сидевшая у него на плече, постоянно оглядывалась, настороженно наблюдая за окружением. Ей всё казалось, что за ними кто-то следит, но определить, откуда исходит это присутствие, она не могла.

Тан Линъянь глубоко вздохнул. В глубоких сумерках он вспомнил ту ночь, когда впервые очнулся в императорском кабинете — звездное небо тогда сияло так же ярко. Оказалось, он провел здесь уже больше месяца. Если время в том мире и здесь течет одинаково, не превратился ли он там в «овоща»? Тан Линъянь не решился развивать эту мысль дальше, лишь молясь, чтобы его задания продвигались успешно.

— Не знаю, стоит ли говорить, но... — вдруг прошептала ему на ухо Ши Ши.

— Тогда не говори.

Ши Ши: ...

Между ними повисла странная тишина. Услышав такой ответ, Ши Ши действительно замолчала. Тан Линъянь не сдержал усмешки и всё же решил пойти на уступку:

— Что случилось?

Ши Ши недоуменно отозвалась:

— Разве ты не просил не говорить?

Тан Линъянь: ...

Непонятно было, то ли она такая послушная, то ли у нее своеобразное чувство юмора, но этот серьезный тон совсем не походил на попытку навредить. Тан Линъянь остановился у моста, прислонившись спиной к старинным каменным перилам в ожидании ответа.

— Чун Ин поблизости.

Он оглянулся на улицу, по которой только что пришел: в толпе прохожих фигуры Чун Ин не было.

— Она не вернулась во дворец?

Ши Ши слегка качнулась вверх-вниз, что означало кивок.

— Почему ты не сказала об этом раньше?

— Я не чувствовала ее раньше. Ее присутствие возникло внезапно, я сама в недоумении.

Тан Линъянь решил вернуться тем же путем, чтобы отыскать Чун Ин. Он сжал зубы, внимательно осматривая каждый уголок, мимо которого проходил.

Погодите-ка, разве здесь была бамбуковая роща? Проходя мимо моста, он заметил у самой воды густые заросли свежего бамбука. Но в его памяти это место было пустым.

Зеленый бамбук: ...

Однако он был слишком озабочен поисками, чтобы придавать этому значение. Пока это не мешает ему лично, пусть здешние духи делают что хотят.

— Зачем Царице понадобилось покидать дворец?

— А зачем еще? Искать тебя, конечно.

Тон Ши Ши был довольно мягким, хотя, если быть точным, больше походило на то, что она пришла его убить. В конце концов, выражение ее лица в момент выхода из дворца было таким, будто она готова была растерзать его на части.

Тан Линъянь замедлил шаг и машинально спросил:

— Ты ведь больше ничего не скрываешь?

— ...

Молчание Ши Ши лишь усилило его подозрения. Неужели случилось что-то еще, о чем он не знает?

— Ши Ши?

— Есть кое-что, но это неважно.

На лбу Тан Линъяня запульсировала вена:

— Так что же это?

— Наследный принц тоже вышел из дворца.

— ...

Юнь Ши всегда казался таким послушным и рассудительным, как он мог тайком сбежать? Получается, сегодня всё семейство Юнь Чжиина отправилось на прогулку, причем все разбрелись по разным углам. Вокруг полно людей, не у всех же есть дух-хранитель, как у него. Что, если с ними что-то случится?

— Сначала найди Юнь Ши, защити его.

— С ним ничего не случится.

Ши Ши отрезала это так категорично, что сомнений не осталось. Тан Линъянь уже достаточно изучил ее манеру поведения: она не стала бы так утверждать, если бы не была уверена. Раз с ребенком всё будет в порядке, значит, кто-то его охраняет. Кто-то, кому Ши Ши так доверяет...

— Он с Юнь Цзи?

Ши Ши подпрыгнула у него на плече:

— Угадал, но приза не будет.

Но как Юнь Ши оказался вместе с Юнь Цзи? То, что она выглядит как ребенок, еще не значит, что ей всего несколько лет. Он мысленно вытер пот со лба, надеясь, что события не

развиваются по тому сценарию, о котором он подумал.

— И всё же, почему Юнь Ши сбежал из дворца?

— Разумеется, тоже из-за тебя.

Тан Линъянь: ...

Два часа назад, во дворце. После того как Юнь Ши покинул покои Царицы, он проходил мимо только что открытой запретной зоны и услышал разговор слуг. Одна из служанок, срывая плоды, сплетничала о своем правителе. Говорили, что император увез из дворца девочку, миловидную, как фарфоровая куколка... Но Ши Ши не рассказала Тан Линъяню об этой детали.

Когда Тан Линъянь зажег фонарь и опустил его в воду, рядом с ним появилась стройная фигура. Царица наклонилась и толкнула свой фонарь из зеленого бамбука в реку.

— Тан Линъянь, осторожн...

Голос Ши Ши стал далеким и призрачным. Фонарь не загорелся: коснувшись воды, он слился с черной гладью реки и исчез в густой ночной тьме. Вместе с ним исчез и голос Ши Ши.

Тан Линъянь почувствовал тревогу, но рядом была Царица, и он был вынужден сохранять спокойствие. Он повернулся, глядя на ее тонкий профиль, плеснул воды, отталкивая фонарь подальше, и тихо спросил:

— Почему Царица решила выйти сегодня?

— Скоро праздник середины осени, я вышла прикупить лакомств, которые любит Ши-эр.

Голос Царицы был безжизненным, в нем не было ни капли радости от совместного пускания фонарей, словно ничто в мире не могло вызвать волнение в ее сердце.

Ну вот, Юнь Чжиин снова взялся за свое. В следующую секунду сердце Юнь Чжиина, столь чувствительное, сжалось от острой боли.

— ...

Тан Линъянь: ну это уже перебор.

Он сжал пальцы, подавляя физическое недомогание, и накинул на плечи Царицы свою лисью шубу:

— Ночь глубока, стало холодно, давай вернемся пораньше.

Царица слегка кивнула, опустив голову, и послушно пошла рядом. В ночной тишине она крепко сжимала края шубы, ее тонкие бледные пальцы побелели от напряжения. Тан Линъянь лишь читал в книгах об отношениях императора и его супруги: полное взаимопонимание, взаимное уважение...

— Ши Ши? Ты здесь?

— ...

— Ши Ши?

Трижды она не ответила. Тан Линъянь больше не чувствовал ее присутствия. Он и Ши Ши были единым целым, их связывала тонкая незримая нить, и теперь он чувствовал, что эта нить оборвалась.

— Ши Ши?

Он позвал снова, бросив взгляд туда, где она обычно была — на плечо, на пряди волос, на запястье... Пусто. Вокруг стояла мертвая тишина. У берега, и так темного, теперь стало совсем не продохнуть, даже светящиеся деревья Плода Прекрасного Лика исчезли. Он вытащил из рукава лист дерева, чтобы осветить окружающую тьму.

Место вокруг было совершенно чужим.

Внезапно у самого уха раздался свист рассекаемого воздуха. Тан Линъянь замер, напрягая слух, чтобы определить направление.

Спереди!

Тан Линъянь одной рукой прижал Царицу к груди, заставляя ее согнуться вместе с ним. В тот же миг мимо его головы просвистел кинжал и с глухим звуком вонзился в ствол дерева позади. Тан Линъянь отпустил Царицу и с посиневшим лицом посмотрел на дерево: лезвие вошло в древесину почти полностью. Если бы они не увернулись, он был бы мертв на месте.

На грани жизни и смерти Тан Линъянь испытал небывалый прилив опасности. Но как мужчина, взявший на себя ответственность, он продолжал защищать стоявшую рядом Царицу.

— Осторожно, спрячься за меня! Я...

Он не успел договорить. Кинжал с коротким хлюпающим звуком вошел ему прямо в живот. Резкая, невыносимая боль подкосила ноги, он рухнул на колени, одной рукой зажимая рану, а другой судорожно вцепившись в Царицу.

Та, кого он так бережно защищал, сама вонзила в него клинок.

Алая кровь хлынула из раны. Тан Линъянь тяжело дышал, чувствуя, как вместе с этой кровью из него уходит сама жизнь. Мир завертелся, силы покидали его, и он завалился навзничь. Зрение начало мутнеть, он больше не мог сфокусироваться на лице Царицы. В ушах стоял лишь монотонный гул; он понимал, что рана смертельна.

Его пальцы, сжимавшие руку Царицы, медленно разжались. Он широко открытыми глазами смотрел на нее, но не мог произнести ни слова.

Он так хотел спросить: почему?

<http://bllate.org/book/18607/1791687>